

Огнев Николай

Собрание сочинений

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай О.**
Собрание сочинений: Том 4 / Огнев Николай – М.: Книга по Требованию,
2022. – 262 с.

ISBN 978-5-521-26051-5

ISBN 978-5-521-26051-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АБИТУРИЕНТ

(ИЮНЬ—СЕНТЯБРЬ 1925 ГОДА)

12 июня.

Я только сейчас с вечеринки, которая была за городом у одного товарища, Михальского, и продолжалась два с половиной дня. Вечеринка была устроена по случаю окончания всеми нами второй ступени.

Все мы теперь—абитуриенты и, конечно, не такие совсем люди, какими были в школе. Но мы все же еще и не вузовцы, не студенты.

Какие же мы такие? Это интересный вопрос и я постараюсь в нем разобраться. Тут прежде всего лезут в голову совершенно естественные практические вопросы современной жизни: кем быть, то-есть выбор факультета, и затем: как попасть в вуз?

В прежней жизни все это делалось просто. Отец или мать скажут:

— Будь военным или, там, попом или белогвардейцем,—и парень сейчас же слушается. А дочь тоже сейчас же становится торговкой или выходит замуж. Те-

перь все это приходится решать самому, а это очень трудно.

Что же касается того, как попасть в вуз, то здесь важно не только выдержать, но еще и путевку получить. У меня, кажется, дело обстоит благополучно в этом отношении по одной причине. А вот у других — как-будто довольно нескладно.

Командировка по второй ступени из нашей школы приходится только на троих, да еще на двоих по отцовским профсоюзам. Комсомол выдвигает одного — и все. Двадцать шесть человек как-будто остаются без путевок. По этому поводу у Михальского было много разговоров, но они пока что ни к чему не привели.

Во времена царизма, разумеется, дети рабочих и крестьян и вообще бедноты в вузы совсем не попадали, а попадали дети буржуа, поповщины и белогвардейцев. А если бывали какие-нибудь конкурсы, то тут тоже вопрос решался просто: кто больше даст. Таким образом, в высших школах учились только дети аристократии, плутократии, бюрократии и буржуакратии.

Во время вечеринки около меня недалеко все околачивался один парень, тоже из нашей группы, — Виктор Шахов. Я сначала не обращал никакого внимания. Парень он совершенно неинтересный, если не считать того, что он стихи пишет. А так вообще — бледный и вялый какой-то... Говорят, что это он такой, что вхлопался в Стаську Велепольскую. В футбол Шахов никогда не играл, но с ним иногда бывала такая странность, что он ни с того ни с сего врежется в самую середину игры и начинает своими длинными и нескладными ногами стараться попасть по мячу. Его отгоняют, толкают даже, но ему это даже как-будто бы

лучше. В конце концов, когда игроки уже окончательно рассердятся и надают ему тумаков, он отойдет и опять нахохлится. Или ходит по залу во время перерыва, никто его не трогает, — как вдруг набросится на кого-нибудь из ребят и начинает валить на землю. Повалит—и отойдет. Конечно, тот парень, кого он повалил,—вскочит, подбежит сзади и отвесит ему красноармейский паяк, а Шахову—как с гуся вода. Когда об этом говорили Зин-Палне, она обыкновенно смеялась и отвечала: «Это потому, что он поэт». Его так и звали в школе «Поэт без котлет». Почему без котлет, — сказать трудно, но ведь в школе, если привяжут какую-нибудь кличку, то от нее отделаться трудно. Впрочем, в последние две группы никто Шахова никакими кличками уже не называл, — наоборот, все относились к нему с уважением, и говорили, что он посылал в журнал стихи, и их там приняли и напечатали. Какие это были стихи, я не знаю. Кроме того (и это, пожалуй, самое главное, из-за чего к нему начали относиться с уважением), Шахов всегда выступал с докладами. Он был беспартийный, а вовсе не комсомолец, но, несмотря на это, всегда делал такие доклады, что все только ахали. Шахову в школе можно было поручить доклад по любому вопросу, и он никогда не подгаживал.

Так вот, этот самый Шахов все время за мной ходил и надоел мне до такой степени, что я не вытерпел и спросил его:

— Чего тебе от меня, в конце концов, надо?

— Ступай ты сам к чорту, — отвечает Шахов.

Тут меня зачем-то отозвали девочки, — кажется, кататься на лодке, и я об этом забыл.

Вечером, когда ложились спать (а спали мы в амбаре при даче у Михальского), слышу, кто-то спрашивает:

— Шахов, а ты куда собираешься поступать?

— Убирайся ты к чорту!

— Да, ведь я по-товарищески спрашиваю.

— Ну, и чорт с тобой!

Утром мы купались на пруду, вдруг Шахов нагишом подходит ко мне и говорит:

— У меня есть к тебе просьба. Хочешь — исполни, а нет — так убирайся к чорту.

— Знаешь что, Шахов, — сказал я в ответ. — Кончили мы оба с тобой среднюю школу и прочее, — и странно, что ты никаких других слов не можешь найти в разговоре. Просьбу я твою, конечно, исполню..

— А... идиот, — буркнул Шахов себе под нос, бросился в пруд и поплыл.

— Чего это он такой? — спрашиваю я Володьку Шмерца, который тут же, рядом, болтался.

— Не знаю наверное! Похоже, мучится тем, что не сможет в вуз поступить. А верней всего, из-за Стаськи Велепольской. Ты слышал, ведь она...

— Знаешь что, Шмерц, — перебил я его. — Бил я тебя и не раз и не два, и если хочешь, чтобы я тебе причинил копф-шмерц...

— Да нет, не хочу, не хочу, — ответил Володька и спешно полез в воду. А копф-шмерц, это по-немецки значит: двинуть в морду, и так Володьке угрожали всегда, когда он начинал сплетничать.

Но Шахов все-таки очень странный. По-моему, он какой-то недоделанный.

14 июня.

Был я у Ваньки Петухова на фабрике. Оказывается у них теперь Никпетож работает кружководом по обществуведению.

— Вот, небось, — говорю я Ваньке, — здорово вам с ним!

— Здорово, да не больно, — отвечает Ванька.

— А что? Ведь, он хороший парень.

— Парень-то он, может, и хороший... по вашему, по-второстепенскому. А у нас... не совсем.

— Да чем же? — спрашиваю.

И даже обиделся чуть-чуть за Никпетожа. Но узнать не удалось, потому что Ваньку сейчас же оторвали. Ванька на фабрике — словно милиционер на перекрестке. Делает он сразу тысячу дел. Всюду его тянут, то-и-дело отрывают, так что говорить с ним совершенно нельзя (а мне как раз нужно). У него чортова партнагрузка. Как раз тогда, когда я с ним говорил, в фабком входит какой-то длинный парнина — и Ванька, перервав разговор, прямо на него:

— Ты чего, Пашка, портками трясешь?

— То-сь, как трясу?.. Я, стал-быть...

— Стал-быть! Что сегодня вечером делаешь?

— Я... вот такая вещь... Я вот, что тебе хотел сказать...

— Ну? Что же? Ну? Да говори скорей, у меня время считанное, — торопит Ванька и все время на часы смотрит.

А тот завел:

— А вот слышь-ка... У меня есть одно дельце... так, секрет один... это, видишь, касается земли... разработка тут есть одна у меня...

— Эх, хватил! Это весной надо, тогда и поговорим. А сейчас мне даже и некогда. Ты вот что, Пашка: шлын-даешь без дела, портками все трясеешь — отправлялся бы к староверцам, к сезонникам этим. Загни им про землю, про всякую, там, огородную овощь, — они это любят, я знаю, я сам раньше староверцем был.

— Ладно-ладно, сговоритесь там как-никак! Хряй. Парнина ушел, а я спрашиваю Ваньку:

— Однако ты командир. Какие это староверцы?

— А, тут сезонники, в комсомол не идут, драться все лезут, организовать надо... Тебе что, Зыкова?

Вошла девчина, сама маленькая, а кепка громадная, аккуратно зонтик на двух ножках, покосилась на меня и говорит:

— Я, Вань, опять насчет Герасимовой.

— А что такое?

— С Кульковым связалась. С'ест она его. Ну, прямо до тла парней выедаёт. Бешенство матки у ней, по-моему. Посоветовал бы ты ей, что ли.

— К доктору? Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. На кой чорт к доктору? Я сам раньше доктором был.

— Да ведь ты говорил, Петухов, что ты раньше певчим был?

— Певчим? Может, и певчим. Вот Коська знает, кем я раньше был. А? Да не слушай ты меня! Ты ведь знаешь, что я бузотер!

— Ну, кабы все такие-то бузотеры были! — криво как-то усмехнулась эта Зыкова. — А как же с Герасимовой-то быть? Станешь ей что говорить, она сейчас же: — «Очень вами тра-та-та» — и хвост винтом.

Грозилась я ей на ячейку вынести, а она: — «Какой ге-пе-ужас!». Это и будем мы с ней разводы разводить! — обозлилась Зыкова. — Любой парень, как с ней свяжется, так от этого фабрика страдает, потому что у него производительность понижается до 75 процентов. Сволочь, шлепохвостка! «Очень вами тра-та-та!». Да вот сама по двору задом вертит — видишь?

Зыкова кивнула в окно.

— Стой, Герасимова! — закричал Ванька на весь двор. — Ты почему это, Герасимова, на собрании женотдела не была? Ты почему ячейку пропустила? Ты зачем от ядра отвиливаешь? А ликбезом кто заниматься будет?..

— Да я — в чем дело, Ванька? — остановилась девчина посреди двора.

— А крестпом? А подшефы? А стенгаз? А уголок Ленина? — перебил, не слушая, Ванька. — А кооператив? А здравотдел? А Мопр? А ячейка Авиахима? А друзья детей?! Поди-ка, поди-ка сюда...

Я вышел вместе с Зыковой. — «Очень вами тра-та-та», — бормотала та по дороге. Мне почему-то не очень хотелось с ней заговорить.

Но на дворе я встретил того самого парнину, которого Ванька называл Пашкой.

— Ты что: крестьянин, что ль? — спросил я его, — что насчет земли интересуешься?

— Отец, верно, когда-никогда был крестьянин... это так, — охотно ответил парнина. — А я — что ж? Мы на фабрике тридцать лет живем.

— Так на что ж тебе про землю с Ванькой говорить?

— Ну-ужно, — протянул парень, и вдруг подозри-

тельно спросил: — Да ты, что, сам-то: партийный или непартийный?

— Партийный.

— Ну, и ешь пироги с грибами, а язык держи за зубами, — как-то уж очень быстро ответил парнина и ушел прочь.

С Ванькой обо многом надо поговорить.

16 июня.

Станный все-таки человек Виктор Шахов. Сегодня пришел ко мне, сел, долго молчал, потом спрашивает:

— Решил, куда поступать?

— Не совсем. А ты?

— И я не совсем. А чем ты сейчас занимаешься?

Я начал было говорить ему, что здорово подчитываю по обществоведению, зубрю математику, вообще, готовлюсь ко вступительному, но он меня перебил:

— Что же — исполнишь мою просьбу?

— Смотря какую.

— А вот. У меня есть брат. Я не знаю, куда он девался, да и вообще не знаю, что он: жив или нет. Пропал лет семь тому. И вот, понимаешь... не знаю, как тебе объяснить. Есть одна такая вещь, которую ему нужно было бы передать, если он найдется.

— Какая вещь?

— Да пустяки... книжица одна. Я думаю, что со мной что-нибудь случится... так вот, на всякий случай я и хотел тебя просить.

— Понимаю. Да ведь у тебя есть отец?

— Отцу я не до-ве-ря-ю. А ты хоть и болван, но честный человек.

— Ну, Шахов... — сказал я, обозлившись до последней степени. — Ищи кого-нибудь поумней, сволочь эдакая. А я — хоть и не болваней тебя, разные твои подозрительные просьбы исполнять не стану.

— Не станешь?

— Не стану.

— Ну, и чорт с тобой!

Он встал, промялся по комнате, ткнулся было в дверь, потом обернулся:

— Так не станешь?

— Да нет, иди ты к... Чего ко мне привязался?

— Ну, а если я сейчас встану перед тобой на колени?

— То я позову папаньку и мы вместе посмеемся.

— Ну, слушай, Костя. Мне все равно, исполнишь — или нет. Мне вообще все—все равно. Только ты всегда проявлял себя хорошим товарищем. А теперь вот, может, последней просьбы — и не хочешь исполнить.

— Да почему это: последнюю просьбу и все такое? Что с тобой будет-то?

— Я так думаю... боюсь, что что-то такое случится. Ты все равно не можешь понять. Ты ведь шар.

— Какой я еще, к шуту, шар?

— Ну, круглый такой. Вообще, у тебя нет шероховатостей.

— А ты кто?

— Честное слово, не стоит разговаривать. Значит, так: я тебе дам одну книжку, а ты ее передай брату, если он приедет и будет спрашивать обо мне.

— Ну... чорт с тобой, давай! Только вот что: это контрреволюция какая-нибудь?

— Никакой контрреволюции нет. Понял? Сам можешь смотреть и читать, сколько влезет. Только больше никому не давай и не показывай. Мне бы не хотелось.

После этого Виктор Шахов сунул мне в руку небольшой сверток и ушел. Я, конечно, сейчас же развернул бумагу — там старая-престарая книжонка, и на первой странице:

*Месяцеслов на лето от Р. Х. 1803
князя Виталия Федоровича Шаховского.*

Потом, дальше, там календарь и вложена записка, написанная странными завитушками пожелтевшими чернилами:

Потомок мой, буди масоном!

Орден свободных каменщиков есть всемирное, тайное собратство, поставившее себе целью вести человечество к достижению земного эдема, златого века любви и истины, царства Астрей.

Потомок мой, буди масоном!

Про этих масонов я что-то такое слышал, будто они тайно собирались по ночам, щекотали друг друга шпагами, потом кто-нибудь ляжет в гроб, будто мертвый, и лежит, а все остальные в доказательство, что он мертвый, бьют его по лысине. Кто-то из шкрабов раз'яснял, что в масонах были больше буржуи, хотя они и притворялись, будто они «вольные каменщики».

Стал я рассматривать календарь Шахова дальше — и нашел там много интересного. Там, например, написаны такие стихи: